
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ КАНАДЫ

А.В. Малешина

Кафедра уголовного права и криминологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 51, стр. 1, ГСП-1, Москва, Россия, 119991

В статье рассматриваются вопросы регулирования уголовной ответственности за убийство по уголовному законодательству Канады, место данных составов в системе преступных деяний против жизни, проблемы и возможные пути их реформирования.

Право на жизнь в числе одного из первых закреплено в Канадской Хартии прав и свобод, принятой совместно с Конституционным актом 1982 г. (1). Согласно ст. 7 Хартии «каждый имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности; и этих прав нельзя лишить иначе как в соответствии с основными принципами отправления правосудия» [3]. Данное конституционное положение находит отражение в Уголовном кодексе Канады 1892 г., действующем в редакции 1985 г., который рассматривает человеческую жизнь в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой защиты, выделяя нормы о преступных деяниях против жизни в самостоятельные главы части VIII «Преступления против личности и репутации».

Систему преступных деяний против жизни можно представить следующим образом: 1) убийство; 2) иные умышленные преступления против жизни (оказание помощи в совершении самоубийства (ст. 240), покушение на тяжкое убийство (ст. 239); 3) причинение смерти по преступной небрежности (ст. 220)). В системе данных деяний центральное место занимает убийство. УК Канады предлагает развернутое родовое определение убийства. Согласно ст. 222 лицо совершает убийство (*homicide*), когда оно прямо или косвенно любым способом причиняет смерть другому человеку. Равным образом к убийству приравниваются случаи причинения смерти: 1) в результате совершения противоправного деяния; 2) в результате преступной небрежности; 3) в результате психического воздействия, выраженного в угрозе применения насилия или обмане, направленного на совершение лицом поступка, который приведет к смерти; 4) в результате преднамеренного запугивания малолетнего или душевнобольного. Особо подчеркивается при этом, что уголовно наказуемым является только виновное причинение смерти [6].

Для всех видов убийства характерны следующие общие признаки.

Прежде всего, обязательным признаком убийства выступает его противоправность, поскольку причинение смерти при самообороне, при исполнении вступившего в силу приговора суда и другие случаи правомерного лишения жизни, а равно случайное причинение смерти не могут быть квалифицированы как убийство.

Убийство всегда совершается в отношении «живого человеческого существа» (*living human being*). Согласно ч. 1 ст. 223 УК Канады человек считается родившим-

ся в смысле названного Акта после полного отделения от тела матери в случае, если он отвечает признакам живорожденности. Однако уже в ч. 2 этой же статьи содержится указание на то, что лицо совершает убийство и в том случае, если во время беременности женщины или во время родов причиняет плоду такой вред, который приводит к его гибели после рождения (2).

Момент окончания жизни и наступления смерти Уголовный кодекс связывает с прекращением дыхания, о чем мы можем судить благодаря формулировке ст. 230. Содержащаяся в норме закона ссылка на прекращение дыхания дала основание судебной практике расширить критерии наступления смерти: остановку дыхания связывают с прекращением кровообращения и последующей гибелью мозга (распадом клеток центральной нервной системы).

Указание ст. 222 на причинение смерти «другому» человеку позволяет отграничить убийство от самоубийства, которое уголовно ненаказуемо.

Как известно, в странах, принадлежащих к уголовно-правовой семье общего права, субъектом уголовной ответственности может быть не только физическое лицо, но и юридическое лицо. В ст. 2 УК Канады, в которой содержатся основные определения, закреплено положение, согласно которому понятие «лицо» при определенных обстоятельствах также может включать в себя организацию (3).

Как и любое другое преступление, убийство отличается присущими только ему материальным и психическим элементами — *actus reus* и *mens rea* деяния. В зависимости от названных конstitutивных элементов преступления убийство может быть квалифицировано как тяжкое убийство (*murder*), простое убийство (*manslaughter*) и убийство матерью новорожденного ребенка (*infanticide*).

В силу специфики общего права тяжкое убийство является основным, наиболее разработанным видом этого преступления, поэтому целесообразно рассмотреть его в первую очередь.

Согласно действующему канадскому законодательству, тяжкое убийство принципиально отличается от других видов виновного лишения жизни наличием намерения (*intent*). Намерение может выражаться в следующих трех формах: 1) намерение убить кого-либо; 2) намерение причинить тяжкий телесный вред, в результате которого наступает смерть потерпевшего; 3) намерение совершить какое-либо преступление, в ходе которого погибает человек.

Первая из трех форм намерения закреплена в ст. 229 (a)(i). Тяжкое убийство, предусмотренное данной статьей, является самым простым видом названного преступления. Для наличия в деянии его признаков достаточно доказать, что «лицо намеревалось причинить смерть человеку» [6].

Намерение может быть прямым (*direct*) и косвенным (*oblique*). В первом случае лицо, осознавая опасность своих действий, не только предвидит вероятность причинения смерти потерпевшему, но и желает этого. Во втором акцент делается не на желании причинения смерти, а на презумпции предвидения лицом возможности или неизбежности ее наступления.

Убийство по ст. 229 (a)(ii) отличается от убийства по ст. 229 (a)(i) тем, что здесь необходимо специальное намерение причинить тяжкое телесное повреждение (*bodily harm*), которое может повлечь наступление смерти, а не специальное намерение убить.

Прежде чем положить в основу обвинения норму ст. 229 (a)(ii), необходимо доказать, что лицо намеренно причинило вред, знало о вероятности наступления смерти и относилось к подобному риску неосторожно (4). Тяжкое убийство, предусмотренное ст. 229 (a)(ii), отличается, таким образом, сложной субъективной составляющей, и для квалификации необходимо наличие всех трех элементов. Так, осу-

ждение по этой статье невозможно, если лицо не знало, что в результате его действий может наступить смерть, или причинило телесные повреждения скорее неосторожно, нежели намеренно. По сути, непосредственным объектом данного преступления выступает телесная неприкосновенность и здоровье человека, а не жизнь.

Само понятие телесного повреждения содержится в ст. 2 УК Канады. К телесным повреждениям относится любой причиненный здоровью лица вред, травма, которые по своей природе не являются незначительными и скоротечными (*merely transient and trifling*) [6].

Психический элемент тяжкого убийства характеризуется иногда наличием так называемого «перемещенного» намерения (*transferred intent*), хорошо известного как английскому, так и американскому уголовному праву. Согласно ст. 229 (b) виновное лишение жизни является тяжким убийством, если лицо намеревается убить или причинить тяжкое телесное повреждение одному человеку, но ошибочно или случайно совершает названные действия в отношении другого [6]. Таким образом, намерение лишить жизни считается переместившимся с заранее выбранного человека на того, кто становится потерпевшим случайно или в силу ошибки.

Третья форма намерения относится к особой разновидности тяжкого убийства — конструктивному тяжкому убийству (*constructive murder*). В самом общем виде конструктивное тяжкое убийство можно определить следующим образом: лицо считается виновным в тяжком убийстве независимо от *mens rea*, если смерть наступила в ходе совершения другого преступления или покушения на него.

Вплоть до недавнего времени нормы, устанавливающие ответственность за конструктивное тяжкое убийство, содержались в двух статьях — 229 (c) и 230.

Статья 230 относилась к тяжкому убийству все случаи причинения смерти, имеющие место в ходе совершения определенных преступлений — измены, пиратства (ст. 75), побега из места лишения свободы (ст. 146, 148), насильственных сексуальных преступлений (ст. 271, 272, 273), похищения или незаконного лишения свободы (ст. 279), поджога (ст. 434) и ряда других преступных деяний.

При этом не имело значения отсутствие у посягающего лица намерения лишить жизни или знания о вероятности наступления смерти, если его действия были направлены на причинение тяжкого телесного повреждения и имели целью облегчение совершения преступления или последующий побег.

Верховный Суд Канады в ряде судебных решений признал данную статью неконституционной.

Первым из таких решений стало дело *R. v. Vaillancourt* 1987 г. Тогда перед судом был поставлен вопрос о соответствии нормы ст. 230 (d) статьям 7 и 11 Канадской Хартии прав и свобод. Названная часть ст. 230 содержала самые неопределенные критерии отнесения деяния к категории тяжкого убийства: лицо признавалось виновным в совершении последнего, если при попытке, в ходе совершения одного из названных в статье преступлений или последующем побеге оно имело при себе оружие или использовало его. Отсутствие у лица морально упречного состояния ума, необходимого для признания его виновным в совершении тяжкого убийства, суд посчитал прямым нарушением фундаментальных принципов правосудия [15, p. 651–652].

Спустя три года, в решении по делу *R. v. Martineau*, Верховный Суд окончательно признал критерии конструктивного убийства, предусмотренные в ст. 230, неконституционными, а также подтвердил необходимость применения субъективного теста для установления виновного состояния ума [13, p. 645–646].

Этот подход Верховного Суда Канады поставил под сомнение конституционность и возможность применения нормы ст. 229 (c), которая также предусматривает ответственность за конструктивное тяжкое убийство.

Названная статья будет инкриминирована лицу в том случае, если оно совершит убийство для достижения какой-либо противоправной цели (*unlawful object*). При этом посягающий не желает наступления такого рода последствий, но знает или должен знать, что его поведение может стать причиной смерти другого человека. С учетом упомянутых выше решений Верховного суда ст. 229 (с) предполагает необходимость доказывания точного знания лица относительно обстоятельств деяния, приводящих к смерти потерпевшего. В последнее время, однако, данная статья применяется нечасто, поскольку фактически нет ситуаций, которые требовали бы подобной квалификации.

Таким образом, можно сделать вывод, что ответственность за конструктивное тяжкое убийство в канадском уголовном праве более не существует. Несмотря на всю неоднозначность данного института, его упразднение, на наш взгляд, является удачным шагом. Законодательно закрепленная возможность признания лица виновным в самом тяжком из всех преступлений против жизни, влекущем назначение пожизненного лишения свободы, при непредвиденном, зачастую случайном причинении смерти, нарушает основные принципы уголовной ответственности — принцип виновности, справедливости, гуманизма.

Уголовный кодекс делит тяжкое убийство на тяжкое убийство первой и второй степени. При этом признаки, характеризующие деяние как тяжкое убийство первой степени, можно условно объединить в три группы: обстоятельства, характеризующие *mens rea* деяния; обстоятельства, характеризующие *actus reus*; обстоятельства, характеризующие потерпевшего (ст. 231 УК Канады).

Прежде всего, для квалификации деяния как тяжкого убийства первой степени необходимо установить, что преступление было осознанным и запланированным (*planned and deliberate*). Психический элемент предполагает наличие у лица обоих признаков. Так, в 1963 г. Верховный Суд Канады в решении по делу *More v. R.* постановил, что «в деянии нет состава, предусмотренного ст. 231 (2), так как обвиняемый, несмотря на длительный срок планирования преступления, в момент его совершения действовал импульсивно. Содеянное в силу названных обстоятельств следует квалифицировать как тяжкое убийство второй степени» [7, р. 529].

В качестве конкретного примера тяжкого убийства, отличающегося подобным *mens rea*, Уголовный кодекс предлагает рассматривать убийство по контракту (*contracted murder*). «Не ограничивая никаким образом положение ч. 2 ст. 231, убийство считается осознанным и запланированным в тех случаях, когда оно совершено в соответствии с имеющимся соглашением, по которому одна из сторон передает или намеревается передать другой стороне деньги или иные материальные ценности как вознаграждение за причинение или пособничество причинению смерти другому человеку» [6].

Материальный элемент тяжкого убийства первой степени предполагает его совершение в ходе ряда преступлений: угона воздушного судна (ст. 76), насильственных действий сексуального характера (ст. 271–273), похищения или незаконного лишения свободы (ст. 279), в ходе подготовки или осуществления террористического акта, а также когда убийство сопутствует другому преступлению, совершаемому преступной организацией. При этом психический элемент преступления не требует ни планирования, ни преднамеренности.

После того как Верховный Суд Канады провозгласил норму ст. 230 неконституционной, возник вопрос, возможно ли квалифицировать убийство, совершенное в ходе другого преступления, как тяжкое убийство первой степени, и наказывать его более строго. Ответ на него был дан в решении по делу *R. v. Arkell*, при вынесении которого

судьи большинством голосов согласились с тем, что признание данной статьи недействующей не должно повлечь за собой отказ от нормы ст. 231, поскольку она регламентирует вопросы классификации, а не квалификации [10, р. 698–699].

И, наконец, к характеристике потерпевшего в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность за тяжкое убийство, относится тот факт, что убитый заведомо для виновного был сотрудником правоохранительных органов или представителем власти (ст. 231 (4) УК Канады).

Если тяжкое убийство первой степени подробно регламентировано, то отнесение деяния к тяжкому убийству второй степени происходит по остаточному принципу. По определению Уголовного кодекса, всякое тяжкое убийство, не являющееся тяжким убийством первой степени, представляет собой тяжкое убийство второй степени (ст. 231 (7) УК Канады) [6].

До 1976 г. тяжкое убийство наказывалось смертной казнью или пожизненным лишением свободы. К смертной казни приговаривались лица, совершившие убийство представителя власти или сотрудника правоохранительных органов. Во всех остальных случаях тяжкое убийство каралось пожизненным лишением свободы. После отмены смертной казни (Акт С-105, который внес поправки в Уголовный кодекс) за тяжкое убийство как первой, так и второй степени предусмотрено одинаковое наказание — пожизненное лишение свободы. Единственная разница заключается в сроках, по истечении которых лицо может ходатайствовать об условно-досрочном освобождении. Лицо, признанное виновным в тяжком убийстве первой степени, может быть освобождено после фактического отбытия 25 лет. При совершении убийства второй степени этот срок сокращается до 10 лет. Забегая несколько вперед, отметим, что пожизненное лишение свободы назначается также за простое убийство (ст. 234) и за умерщвление плода во время родов (ст. 238) [6].

Такой подход не дает никакой возможности учитывать тяжесть совершенного преступления, сопутствующие ему обстоятельства и личность виновного лица. Помимо всего прочего, существующая система наказаний вызывает сомнения в целесообразности деления тяжкого убийства на виды. По сути, категория тяжкого убийства второй степени, границы которой чрезвычайно размыты, была бы оправдана только в том случае, если бы законодатель закрепил альтернативность и возможность варьировать размеры наказания, когда за менее тяжкое преступление судья мог бы назначить менее суровое наказание.

Другим видом убийства, предусмотренного канадским уголовным законом, является простое убийство (*manslaughter*).

Уголовный кодекс определяет простое убийство через убийство тяжкое. «Виновное лишение жизни человека, которое не может быть признано тяжким убийством или детоубийством, должно быть квалифицировано как простое убийство» (ст. 234 УК Канады). Иногда в ходе судебного заседания, когда становится очевидным, что отсутствует *corpus delicti* тяжкого убийства, суд может изменить квалификацию на простое убийство.

Уголовный закон не предусматривает деления простого убийства на виды, однако доктрина по сложившейся в странах общего права традиции выделяет простое намеренное (*voluntary*) и простое ненамеренное убийство (*involuntary*) (5).

К простому намеренному убийству относятся случаи намеренного лишения жизни, которые не могут быть квалифицированы как тяжкое убийство в силу наличия определенных смягчающих обстоятельств.

К первому из таких обстоятельств относится провокация (*provocation*). В соответствии со ст. 231 (1), виновное лишение жизни, которое при иных обстоятель-

вах было бы тяжким убийством, следует квалифицировать как простое убийство, если лицо, его совершившее, действовало под влиянием душевного волнения, вызванного внезапной провокацией [6].

Вопрос о том, какую провокацию считать достаточно серьезной для квалификации деяния как простого, а не тяжкого, убийства решается с помощью критериев, закрепленных в ст. 232 (2).

Защита ссылкой на провокацию предполагает наличие четырех элементов: 1) неправомерного поведения или оскорбления; 2) установления факта, что «обычный человек» потерял бы самоконтроль в результате такого поведения или оскорбления; 3) установления факта, что обвиняемый на самом деле был спровоцирован поведением или оскорблением со стороны потерпевшего; 4) внезапности и неправомерного поведения и ответной реакции обвиняемого.

Неправомерное поведение (*wrongful act*), как правило, включает в себя любые действия, за исключением тех, осуществление которых является законным правом потерпевшего, как, например, самооборона. Оскорбление или обида (*insult*) означает «любую форму пренебрежительной, презрительной, вызывающей и оскорбительной речи» [9, р. 75].

Достаточно широко правоприменители подходят к толкованию субъективного теста. Предполагается, что при решении вопроса, было ли на самом деле обвиняемое лицо спровоцировано, и присяжные, и суд будут учитывать все индивидуальные особенности лица — психическое состояние, характер, темперамент, любые личные причуды и слабости, состояние наркотического или алкогольного опьянения, если таковое имеется, историю предшествующих отношений обвиняемого и потерпевшего.

Изначально, при ответе на вопрос, спровоцировало бы поведение потерпевшего «обычного человека», присяжные не должны были учитывать никакие индивидуальные характеристики фактического обвиняемого. Однако в 1986 г. Верховный суд Канады принял решение по делу *R v. Hill*, в котором признал необходимым «учитывать любые общие характеристики лица при рассмотрении вопросов провокации» [12, р. 331]. Особо подчеркивалось, что чрезмерная вспыльчивость или состояние опьянения лица не должны приниматься в расчет при установлении объективного теста: «обычный человек» — это здравомыслящее лицо, со средним темпераментом и самообладанием. Десятилетие спустя, в решении по делу *R v. Thibert*, Верховный суд еще больше расширил принятое им ранее правило и постановил, что «обычный человек должен быть того же возраста, пола и разделять с обвиняемым другие характеристики, которые придают поведению или оскорблению особое значение» [14, р. 49].

Не столь абсолютным на сегодняшний день является и требование внезапности провокации. В упомянутом выше решении по делу *R v. Thibert* Верховный суд признал наличие провокации, несмотря на то, что обвиняемый, преследуя потерпевшего с пистолетом, намеренно спровоцировал конфликт, зная о его связи с женой.

Подобная неоднозначная трактовка провокации в действующем уголовном законодательстве Канады вызывает немало критики. В самом общем виде можно выделить две сложившиеся позиции относительно будущей юридической судьбы названного обстоятельства [8, р. 28–29].

Достаточно распространенной является точка зрения, согласно которой провокацию следует рассматривать только как обстоятельство, смягчающее наказание за тяжкое убийство, а не как обстоятельство, принципиально меняющее квалификацию. Если учесть имеющиеся прецеденты, такая позиция представляется оправдан-

ной, ведь зачастую провокацией называют обычные случаи убийства из ревности, мести, в ходе семейной ссоры.

С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что психический элемент преступления, совершенного в состоянии сильного душевного волнения, значительно отличается от обычного намерения тяжкого убийства, и данное обстоятельство необходимо отразить при квалификации.

Другим смягчающим тяжесть убийства обстоятельством является состояние интоксикации (*intoxication*) (6). Правда, оно является общим, а не специальным по отношению к убийствам. Существование данной защиты объясняется тем, что лицо, находящееся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, не может сформировать специального намерения, которое необходимо для тяжкого убийства, и, соответственно, *mens rea* тяжкого убийства отсутствует.

Категория простого ненамеренного убийства включает совершенно разные виды противоправного лишения жизни другого человека, совершенные без намерения — убийство, совершенное небрежно (ст. 222 (5)(b)), конструктивное простое убийство (ст. 225 (5)(a)).

В соответствии со ст. 222 (5)(b) УК Канады убийством может быть признано причинение смерти другому человеку в результате преступной небрежности (*criminal negligence manslaughter*). Само определение преступной небрежности как психического элемента преступления содержится в ст. 219: в поведении лица присутствует преступная небрежность, если, действуя или бездействуя при наличии обязанности действовать, оно проявляет безответственное или опрометчивое пренебрежение жизнью или безопасностью других людей [6].

Под конструктивным ненамеренным убийством (*constructive manslaughter*) понимается причинение смерти человеку при совершении противоправного деяния, независимо от *mens rea*, сопутствующего причинению смерти. В настоящее время лицо можно признать виновным в простом ненамеренном убийстве по правилу о противоправном деянии, если само деяние является противоправным и совершается намеренно, если оно имеет место при обстоятельствах, создающих угрозу для жизни человека и если оно является причиной смерти человека. При этом суды выработали правило, в соответствии с которым достаточно установить «объективное предвидение телесного вреда, который в контексте опасного деяния не является ни незначительным, ни преходящим. Предвидение смерти не требуется» [11, p. 373].

Что касается наказания, предусмотренного за совершение простого убийства, то в соответствии со ст. 236 УК Канады лицо, признанное виновным в простом убийстве, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от 4-х лет. Не исключена возможность назначения пожизненного лишения свободы.

Единственный особый состав убийства, известный канадскому уголовному праву, — это детоубийство (*infanticide*) (7). Согласно ст. 233 УК Канады женщина совершает детоубийство, когда намеренным действием или бездействием она причиняет смерть своему новорожденному ребенку, если в момент совершения действия или бездействия она полностью не оправилась от последствий родов или кормления грудью и ее психика в силу этого нарушена.

Материальный элемент детоубийства можно условно разбить на семь признаков. Чтобы инкриминировать деяние, предусмотренное ст. 233, необходимо установить, что:

- преступление было совершено женщиной;
- потерпевшим является ребенок;

- ребенок должен быть новорожденным. Согласно ст. 2 УК Канады ребенок считается новорожденным до достижения им возраста одного года;
- потерпевший должен быть ребенком обвиняемой;
- смерть должна наступить от действия или бездействия обвиняемой;
- во время совершения преступления женщина не оправилась от потрясения, вызванного родами или грудным кормлением;
- вызванное потрясение было достаточным для временного помутнения сознания.

Диспозиция статьи, устанавливающей уголовную ответственность за детоубийство, сформулирована таким образом, что она ничего не говорит о требуемом психическом элементе деяния. Поэтому возникает вполне закономерный вопрос, что стоит понимать под словами «действие или бездействие должно быть совершено намеренно».

Ответ на данный вопрос можно найти в ряде судебных решений. Так, в решении по делу *R v. Smith* 1976 г. суд пришел к выводу, что *mens rea* детоубийства должно заключаться в «плохом мотиве или цели, а также злом намерении» (*bad motive or purpose or evil intent*) [8, p. 26]. В решении по делу *R v. Lalli* 1996 г. судьи посчитали возможным признать наличие детоубийства, даже если лицо «не осознавало, но должно было осознавать, что его поведение может причинить вред» [8, p. 27]. Исходя из данной формулировки, можно сделать вывод, что состав детоубийства применяется для квалификации тех фактических ситуаций, которые при иных обстоятельствах были бы признаны не только тяжким убийством, но и простым.

В соответствии с положениями Уголовного кодекса нет необходимости устанавливать наличие причинной связи между совершенным преступлением и психическим расстройством, но обусловленность расстройства родами или лактацией должна быть доказана. Если женщина, совершившая убийство своего новорожденного ребенка, страдала от какой-либо психической аномалии, не вызванной родами или кормлением грудью, ее нельзя признать виновной в детоубийстве.

Детоубийство, согласно ст. 237 УК Канады, является преступлением, преследуемым по обвинительному заключению, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок, не превышающий трех лет.

На наш взгляд, формулировку статьи в действующей редакции нельзя признать удачной. В частности, представляется неправильным определение возраста новорожденного. Если исходить из того, что смягчение ответственности обусловлено психотравмирующей ситуацией, вызванной родами, то за год все негативные последствия должны были бы нивелироваться. Когда роды приводят к психическому заболеванию матери, следует ставить вопрос о невменяемости и отсутствии уголовной ответственности, а не об особом составе убийства. Не совсем понятно и отсутствие необходимости устанавливать наличие обусловленности убийства психической травмой, вызванной родами или лактацией. Вместе с тем нельзя полностью исключить данную норму из Уголовного кодекса, поскольку такая мера привела бы к фактическому усилению уголовной ответственности. Убийство матерью новорожденного ребенка в отсутствие особого состава квалифицировалось бы в подавляющем большинстве случаев как тяжкое убийство, влекущее назначение пожизненного лишения свободы.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что трактовка убийства в том виде, в котором она сложилась на сегодняшний день в канадском уголовном законодательстве, нуждается в существенных изменениях. Причины этого во многом объясняются архаичным характером норм, их несоответствием современным уголовно-правовым принципам. В частности, утратило актуальность деление тяжкого

убийства на виды. На наш взгляд, оно выглядело бы вполне логично, если бы совершение тяжкого убийства первой степени влекло за собой назначение более сурового наказания, нежели совершение тяжкого убийства второй степени. Вызывает сомнение правильность определения простого убийства, поскольку простое намеренное убийство фактически представляет собой особый состав тяжкого убийства, а не самостоятельный вид преступления. И, бесспорно, особые нарекания вызывает система наказаний, которая не дает возможность назначить справедливое наказание, которое было бы соразмерно характеру и степени общественной опасности деяния, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Вместе с тем общая направленность реформ на гуманизацию уголовного закона, позволяет надеяться на то, что в обозримом будущем нормы, регламентирующие уголовную ответственность за убийство, подвергнутся пересмотру и совершенствованию. Начало такого рода изменениям было положено в 1987 г., когда Верховный суд Канады признал критерии конструкторного тяжкого убийства неконституционными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Конституционный акт 1982 г. окончательно закрепил государственный суверенитет страны. Он содержит нормы, согласно которым ни один последующий акт британского парламента не будет иметь силы в Канаде.
- (2) Специальной по отношению к ч. 2 ст. 223 является ст. 238, которая предусматривает ответственность за умерщвление в процессе физиологических родов плода, который еще не стал человеком, «и в том случае, если бы он стал, лицо было бы признано виновным в убийстве».
- (3) Вопрос об уголовной ответственности юридических лиц за причинение смерти при несоблюдении правил техники безопасности или других случаях противоправного поведения руководства компании или ее представителей, повлекших гибель людей, а также концептуальные принципы такой ответственности нередко выступали предметом рассмотрения различных правовых и правительственных комиссий. Одним из последних стал специальный доклад Министерства юстиции Канады 2002 г., разработчики которого посчитали излишним вводить самостоятельный состав простого убийства, субъектом которого является юридическое лицо, как это имело место в Великобритании в 2007 г., поскольку подобные случаи в полной мере подпадают под действие ст. 234 Уголовного кодекса Канады, предусматривающей ответственность за простое убийство [5].
- (4) Знание (*knowledge*) и неосторожность (*recklessness*) представляют собой самостоятельные формы *mens rea*. В самом общем виде знание можно охарактеризовать как осведомленность лица относительно материального элемента преступления, причем если *actus reus* включает сопутствующие обстоятельства, то относительно наличия таковых, а если результат — уверенность, что поведение причинит его. Что касается неосторожности, то в данном случае лицо считается действующим неосторожно относительно материального элемента преступления, когда оно сознательно игнорирует непосредственный риск того, что его поведение приведет к наступлению преступных последствий.
- (5) В отечественной уголовно-правовой литературе встречаются различные варианты перевода данных терминов. Так, А.С. Никифоров и И.Д. Козочкин предлагают переводить их как простое умышленное убийство и простое неумышленное (неосторожное) убийство [4, с. 155; 2, с. 341]. Г.А. Есаков делит простое убийство на «волимое» и «невольное» [1, с. 1059]. На наш взгляд, с точки зрения точности перевода и изначальной смысловой нагрузки терминов, ближе к истине лежит вариант, предложенный Г.А. Есаковым. Но с точки зрения содержания любой из предложенных переводов уместен, поскольку отражает принципиальную разницу между двумя видами простого убийства.

- (6) Под интоксикацией следует понимать состояние, вызванное алкогольным опьянением либо обусловленное приемом наркотических или психотропных препаратов.
- (7) Если понимать этот термин буквально, то к «детоубийству» относится убийство ребенка любого возраста любым лицом. В данной статье данный термин будет использован для характеристики убийства матерью новорожденного ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Есаков Г.А. Суеверия и уголовное право (на примере преступлений против жизни в странах семьи общего права) // Lex Russica. — 2004. — № 4.
- [2] Козочкин И.Д. Уголовное право США. Успехи и проблемы реформирования. — СПб., 2007.
- [3] Конституции зарубежных государств. — М., 1996.
- [4] Никифоров А.С. Ответственность за простое убийство в современном континентальном и англо-американском праве // Журнал российского права. — 2000. — № 1.
- [5] Corporate Criminal Liability in Canada: The Criminalization of Occupational Health & Safety Offences. Discussion Paper. — 2002.
- [6] Criminal Code (R.S., 1985, c. C-46) // <http://laws.justice.gc.ca/en/C-46>
- [7] *More v. R.* (1963) 2 S.C.R. 522.
- [8] Murder and Related Issues: An Analysis of the Law in Canada. Report for the Law Commission, 2005.
- [9] Partial Defences to Murder. Overseas Studies. Law Commission Consultation Paper № 173. Appendix B., 2003.
- [10] *R. v. Arkell* (1990) 2 S.C.R. 695.
- [11] *R v. Creighton* (1993), 83 C.C.C. (3d) 346.
- [12] *R v. Hill* (1986) 1 S.C.R. 313.
- [13] *R. v. Martineau* (1990) 2 S.C.R. 633.
- [14] *R v. Thibert* (1996) 1 S.C.R. 37.
- [15] *R. v. Vaillancourt* (1987) 2 S.C.R. 636.

CRIMINAL LIABILITY FOR HOMICIDE IN THE CANADIAN CRIMINAL CODE

A.V. Maleshina

The Department of Criminal Law and Criminology
Moscow State Lomonosov University
Leninskie Gory, 51/1, GSP-1, Moscow, Russia, 119991

The article discusses the common points of criminal liability for homicide in the Canadian Criminal Code, related offences, problems and possible reforms.